

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 130.2

ОБЩЕСТВО РИСКА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАУКИ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Е.Г. КАМЕНСКИЙ¹⁾
М.Д. ЧЕРКАШИН²⁾

¹⁾ Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

e-mail: kamensky80@mail.ru

²⁾ Курский институт социального образования (филиал) РГСУ (г. Курск)

e-mail: cherkashino7@mail.ru

В статье рассматриваются методологические проблемы общества риска. Подчеркивается, что достижения науки не должны противоречить идеалам гуманизма и угрожать самой жизни человечества. Поэтому внедрение этической компоненты как в сознание ученых, обширного отряда научных работников и научно-технической интеллигенции, так и простых жителей планеты явилось бы значительным событием, необходимым для формирования мировоззрения XXI века.

Ключевые слова: общество риска, ответственность науки, этика науки, биоэтика.

Начиная со второй половины XX века пристальное внимание ученых привлекает проблема риска как социального феномена и его места в обществе. Развитие «рискологии» как парадигмы научной мысли было обусловлено изменениями социальных реалий: темп социальных изменений, сдвиги во взаимодействии общества с окружающей средой, глобализация и рост взаимозависимости мира, создание новых средств труда, изменения религиозных верований и идеологий, социальных практик. Стремление к гуманизации всей жизни человека и общества, необходимость его защиты в новых условиях техногенной цивилизации делают тематику риска и ответственности науки чрезвычайно актуальной.

Риск как социальное явление в историческом и социокультурном контекстах можно рассматривать под углом зрения разных подходов. Риск, по определению У. Бека, это «вероятность физической угрозы, вызываемой технологическими и другими процессами»¹. В качестве исходной точки принимается *связь риска с действием и дейст-*

* Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, Проект №П2409 «Формирование инновационного сознания личности в условиях становления информационно-коммуникативной среды российского общества (региональный аспект)»

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000. – С. 27.

вующим субъектом: риск существует лишь при наличии субъекта и возможности действия. Таковым может выступать как индивидуальный субъект, так и коллективные (институциональные и не институциональные) субъекты действия. Но в любом случае субъектом действия оказывается не просто человек, но конкретный, живой, персонифицированный индивид, включенный в те или иные коммуникативные, повседневные или социальные практики, что дает возможность говорить об *экзистенциальных, онтологических основаниях риска* в жизни современного общества и человека.

Выделяя экзистенциальные, онтологические основания феномена риска, надо отметить, что усиление внимания к этическим проблемам в сфере современной науки и техники связано с тем ощущением *страха*, которое испытывает человек в *кризисном контексте риска*, связанном с угрозами глобальных катастроф – экологических, этнических, демографических, экономических и т.д.

До сих пор окружающая нас природная среда была объектом бесконтрольной экспансии человеческой деятельности. Нет нужды перечислять все виды разрушений на земле, море, в небе и космосе. Подлинная катастрофичность поклонения человеческой созидательности, отрыву от природы особенно остро обнаружилась в экологических проблемах. Сегодня уже никто не может дать гарантий, что пророчества Иоанна Богослова не станут реальностью ближайшего будущего. Как произошло, что существо, давшее самому себе биологическое видовое имя *Homo sapiens*, оказалось вовлечено в коллективное гибельное, неразумное движение к катастрофе?

Судя по всему, в самой сердцевине человеческой культуры произошли процессы, приведшие к отпаду фундаментальных, онтологических «тормозных механизмов», обеспечивающих экологическую, антропологическую и духовную саморегуляцию. Как справедливо отмечает В. Хесле, «человек, одновременно являющийся как субъектом, так и объектом экологического кризиса, по-видимому, отрекся от идеала мудрости, ибо мудрость стремится к гармонии, но не к разрушению»². На дефицит мудрости и моральных ценностей в управлении техническим прогрессом указывает и М.-Р. Бэррел³.

Излишне говорить, какое значение имело для становления естественнонаучной картины мира понимание природы как объекта познания и деятельности человека. На его основе стало возможным открытие «законов природы» и научное предвидение. Оно же дало человеку способность (и моральное право!) в небывалых масштабах подчинять силы природы своим целям. С ним в значительной степени связан сам пафос представлений нового времени о «могуществе человеческого разума».

Но столь же очевидно и другое: получая одностороннее, гипертрофированное развитие, вращаясь в повседневную практику и психологию людей, такой подход к природе обнаруживает свои губительные последствия. Формируется и становится господствующим отчужденное, потребительское отношение к природе как к «безгласной вещи» (выражение М.М. Бахтина), весь смысл существования которой – послужить человеку сырьем, полезным средством для достижения его утилитарных целей. Несправедливость этого подхода была изначально чревата возмездием: и человек, не способный соотносить свою деятельность с интересами самой природы, вставать на ее «точку зрения», всерьез испытывать благодарность к ней, уважать ее самоценность, оказался перед лицом экологического краха.

Последствия вещного подхода к природе отразилось самым непосредственным образом и на самом человеке: лишив природу «души и сознания», научно-теоретическая мысль и с человеком начала обходиться подобным же образом. Если Р. Декарт признал «живыми автоматами» животных, то уже в следующем столетии в науке была открыта тема «человек-машина». Вариации на эту тему – разумеется, выполненные на уровне современных научных знаний, – звучат и в настоящее время.

Понятно, что вопрос этот не чисто теоретический: он охватывает и философские позиции, и научные парадигмы, и человеческие ценности, и сами основания жизнедеятельности людей. К. Маркс был совершенно прав, когда писал, что европейское общество

² Хесле В. Философия и экология. – М., 1993. – С.39.

³ Бэррел М.-Р. «И Бог заплакал...». Достоинство человека, прогресс, технология // Человек. – 1991. – №6. – С.43.

его времени поражено «отношением всеобщей полезности», «всеобщей годности к употреблению». Чуть позже, на рубеже веков, русский физиолог А.Введенский пришел к выводу, что, оставаясь на почве строго научной аргументации, невозможно убедиться в одушевленности *другого* человека. Это и неудивительно, поскольку наука занимается тем, что можно «свести на причины, лишённые души и сознания», и потому упускает или заведомо исключает из своей компетенции собственно «человеческое в человеке».

Ответственность за сложившуюся в настоящее время всемирно-историческую ситуацию несет, прежде всего, сам человек, использующий ту форму рациональности, которая отождествила истину с пользой. Именно в несоответствии целевой и ценностной форм рациональности, несоответствии между властью человека над природой и мудростью – глубочайшая причина нынешнего положения дел. Безусловно, современные технологии принесли много пользы, но проблема мудрости и ценностей в управлении научно-техническим прогрессом очевидна.

Моральные ценности со всей определенностью указывают: не следует делать ничего такого, что помешало бы человеку извлекать пользу из окружающего мира, наслаждаться красотой земли и космоса: для того он и создан. Личности вовсе не обязательно иметь так много материальных благ, как предлагает ему технология, а вот удовлетворять свои моральные, духовные, эстетические запросы души ему совершенно необходимо. Все, что составляет личность, требует признания и уважения во имя достоинства человека, а это включает в себя и все то, чем человек может быть или стать.

Еще Ф. Бэкон понял: приказывать Природе способен лишь тот, кто повинуется ей. Другими словами, нужно действовать вместе с Природой, а не против нее; сотрудничать с силами Природы, а не противостоять им. Тем не менее, ученые и инженеры, следуя логике своих узкоспециализированных работ, очень часто упускают из виду глубокую взаимозависимость различных природных систем, не сознают, что их вмешательство может привести к разрушению тех элементов и компонентов, которые составляют фундамент онтологических (мировых и экзистенциальных) структур. Это результат того, что социальные ценности не включают в себя ответственность человека перед планетой и ее обитателями.

Проблема преодоления дисбаланса общества и природной среды в значительной мере является проблемой самоизменения общества. Ее решение зависит от готовности и способности людей преодолеть социальные шаблоны деятельности, препятствующие учету организационной сложности природных систем, их особых законов и ритмов. Для того, чтобы осваивать вещество этих систем в безопасном для природы и человечества режиме, необходимо держать под контролем собственные средства деятельности, ограничивать или менять объем и характер их применения сообразно логике природных систем. Только на этом пути общество может снизить риск непредсказуемых и неконтролируемых последствий своей собственной деятельности. Исправление экологических «аномалий», стало быть, сопряжено с изменением характера человеческих организаций, норм и ориентиров их деятельности.

Новая *экоэтика* в некотором отношении отвергает идеи классического гуманизма как элемента культуры. Классический западный гуманизм – это идея самодостаточности человеческой природы. А самодостаточный человек как покоритель Природы, хозяин Земли (все для человека!), атеист по природе, он далек от того, чтобы признать свою общность судьбы с земной жизнью. Гуманизм отвергает идею призвания человека служить высшей правде, более высшему, чем он сам, боясь, что при этом человек деперсонифицируется, утратит свою личность, свою активность. «Старый» классический гуманизм и «старая» этика пришли на рубеже XIX-XX веков к своему кризису – к признанию агрессивности и низменного характера мотивации автономной личности. Уже Ф. Ницше поставил основной вопрос современной эпохи, вопрошая о Сверхчеловеке. Он разглядел приход времени, когда человек готовится распространить свое господство по всей Земле, и спрашивал, достоин ли человек такой миссии, и не должна ли сама его сущность быть преобразована. На этот вопрос Ницше ответил: «Человек должен преодолеть себя, стать Сверхчеловеком».

Как правило, исторические ситуации типа «на краю бездны», «обнажению глубин» выступают объективной основой для коллективных прозрений, ибо становятся наглядными и очевидными *предельные основания* человеческого, культурного (а стало

быть, и социального) бытия и небытия, общечеловеческие подлинные смыслы и ценности. Именно в этом, на наш взгляд, заложена возможность переориентации общества и культуры на новые смыслы и ценности, призванные дать новую ориентацию человеку, восстановить утраченную «связь времен», воссоздать целостность его жизненного мира. Поэтому внедрение этической компоненты как в сознание ученых, обширного отряда научных работников и научно-технической интеллигенции, так и простых жителей планеты явилось бы значительным событием, необходимым для формирования мировоззрения XXI века.

Коснемся и другого экзистенциального аспекта. Свобода творчества ученого непосредственно связана с *нравственным риском*. Это проявлялось во всех областях науки на протяжении всей ее истории. «В отличие от видов деятельности, результат которых в основном известен заранее, научная деятельность давала приращение нового знания, а, следовательно, всегда нетрадиционный результат, вела к изменению как представлений о мире, так и форм деятельности человека в мире»⁴. Инновационность всегда взрывала традиционность и вела к непредсказуемым *нравственным, этическим рискам*.

Дискуссии о «социальной ответственности ученых» могут рассматриваться как попытки соединить две парадигмы, касающиеся соотношения науки и общества⁵. Первая и старшая из парадигм воспринимает эмпирическую науку как внутренне ограниченную форму знания, опирающуюся на более низкий уровень реальности, в качестве потенциальной угрозы социальному порядку на уровне мышления и практики, из чего следует ответственность ученых (и политического режима) по отношению к этим дисциплинам. Второй подход предполагает, что наука глубже соотнесена с истиной и поэтому при любых условиях существенно полезна для общества (при должной ответственности ученых в развитии и распространении своих дисциплин – деятельность, которую государство должно поддерживать).

Существовавшая до Нового времени традиция «ограничения знания» обосновывалась, например, в платоновской «Республике» и была классически проиллюстрирована в хорошо известном повествовании Плутарха об Архимеде, который отказывался изложить некоторые свои математические открытия по причине опасности их инженерных приложений и применял их сам только при угрозе военной опасности (*seige*). В эпоху Возрождения Леонардо да Винчи проявлял, подобно Архимеду, предосторожность, поверяя по своим тетрадам, что он не будет «публиковать или разглашать» свои чертежи подводной лодки из-за «злой природы человека, который может использовать лодку как средство разрушения на дне моря». И уже на заре Нового времени в идеологии научного прогресса, обоснованной Ф. Бэконом в его «Новой Атлантиде», частично сохраняется мысль о том, что могущество знания следует охранять от широких слоев общества. Здесь можно говорить об *«эпистемологическом эзотеризме»* классической философской традиции.

Вторая традиция исходит от Галилея – первым открытым приверженцем того, что Кант называет основным идеалом Просвещения «*Sapere aude!*» – «*Решись постигнуть!*». Для Галилея научное исследование не может подвергаться каким-либо продиктованным извне благоразумным ограничениям. Ученые, таким образом, имеют право добывать научную истину, не заботясь о возможных отрицательных последствиях для общества. Это – вызов знаменитому судебному процессу Галилея, что дало право Просвещению объявить его, как и других «подвижников», «мучеником науки». Здесь формируется другая этическая традиция – *сциентистская сакрализация* науки и знания.

Как свидетельствует образ Галилея-мученика, эта вторая, сциентистская традиция явно доминирует в современной науке. Получая философское оправдание в картезианской приверженности методу и достоверности, данная традиция находит теоретическое обоснование в уповании Ньютона на науку как теологическую интуицию, в мысли Спинозы о том, что в науке человек имеет нечто чистое, бескорыстное, самодостаточное и благословенное⁶, в вере Вольтера в ее абсолютную полезность.

⁴ Козлова О.Н. Научная жизнь и социокультурное воспроизводство // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С.120.

⁵ Митчем К. Что такое философия техники? – М., 1995. – С.95-96.

⁶ Там же. – С. 97.

Серьезные философские вопросы ответственности науки, которые внедрены в основания человеческой жизнедеятельности, в первую очередь касаются выработки этических-правовых норм. Характерное для всех областей научного знания использования синергетического подхода, как считает О.Н. Козлова, «само является свидетельством развития знания в режиме подготовки качественно нового знания, утверждения в нем нового системообразующего принципа – принципа целостности, связности, который в этической транскрипции звучит как принцип ответственности, а в эстетической – как принцип гармоничности»⁷. Так, основным регламентирующим документом в русле биомедицинских исследований является Конвенция по биомедицинской этике, которую подписали более 30 стран (Россия в их число не входит!).

В число важнейших, выделенных исследователями, принципов биоэтики входит принцип «*primum non nocere*» – «прежде всего – не навреди». Следом назван принцип – «*делай благо*», затем – принцип «автономии пациента» и «принцип справедливости». Совершенно очевидно, что все эти принципы имеют многозначное философское значение. Принцип «Не навреди» заставляет анализировать понятие «*вред*». Исследователи настаивают на принципиальном различии следующих смыслов: различении и отличии вреда, вызванного бездействием, неоказанием помощи тому, кто в ней нуждается от вреда, вызванного небрежностью либо злым умыслом, корыстной целью; вреда, вызванного необдуманными и неквалифицированными действиями; вреда, вызванного объективно необходимым в данной ситуации действиями⁸. В свою очередь, каждый из выделенных типов влечет за собой новый виток обсуждений и обоснований.

Что, например, реально включает в себя понятие бездействия или небрежность, как безошибочно усмотреть корысть или установить, какое действие является необдуманным, а какое необходимым в данной ситуации? Все это требует серьезной поддержки со стороны методологии, на переднем плане которой возникают, так называемые *ситуационные исследования*, которые и будут направлены на рассмотрение *реальной ситуации в целом*. Жесткий режим информирования пациента, как и укрытие от него информации может быть истолковано и как вред, и как необдуманное действие, и как действие, необходимое в данной ситуации.

Принцип «делай благо» направлен на концентрацию позитивного потенциала, он требует позитивных действий. Здесь также возникнет вопрос и об активности того, кто намерен делать благо, о мере и о содержании блага, то есть речь идет о реальных способах проявления этого принципа, когда благо для одного может обернуться риском или угрозой для другого. Без труда можно найти и религиозные аналоги этих принципов. Не навреди – это императив буддизма, благодеяние – христианской религии.

Принцип автономии пациента «утверждает право личности на невмешательство в ее планы и поступки и, соответственно, обязанность других не ограничивать автономные действия»⁹. Он укоренен и имеет аналог в представлениях о том, что каждый человек должен быть понят как цель и никогда не как средство. Автономия фиксирует возможность дистанцирования личности, выделение индивида, принятие его независимости и определенного противостояния. *Автономия исключает манипуляцию*. Ориентация на автономию предполагает субъекта, осознано выбирающего то или иное решение на основании собственного замысла и с полным пониманием. Этот принцип предполагает личность, способную к глубинной морально-психологической рефлексии и к самоанализу. Автономия связана с так называемым «собственным видением» той или иной проблемы, наличием личной точки зрения. Биомедицинский принцип уважения автономии пациента содержит в себе большой проблемный ряд, он ограничен в отношении некоторых лиц, например, детей, недееспособных граждан, лиц, находящихся в состоянии наркологического или алкогольного опьянения. Данный принцип может быть дополнен, но может и вступать в противоречие с другими принципами.

⁷ Козлова О.Н. Научная жизнь и социокультурное воспроизводство // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С.124.

⁸ Введение в биоэтику. – М.,1998. – С. 54.

⁹ Там же.

Выделенный *принцип справедливости*, опираясь на критерий равенства, на критерий разумной потребности, имеет относительную силу в условиях рыночных отношений. Современный этос науки претендует на возможность обладать убедительной логической аргументацией. Обсуждение наиболее острых вопросов затрагивает спектр проблем, связанных с философским пониманием отношения к «добру как таковому» и «добру как средству». Именно позиция, отстаивающая восприятие «добра как средства», концентрирует свое внимание на зависимости между поступком (действием) и следствием (результатом). Это, в свою очередь, способствует переводу этики из сферы абстрактных метафизических рассуждений в область конкретных поступков и действий реальных людей, обращению этики к анализу эмпирических фактов. Этос науки обращается к фактам, уходит из под обвинения, что он основан на субъективных впечатлениях и чувствах. Безусловно, это свидетельствует о значительном изменении статуса этической рефлексии в настоящее время.

Сегодня этические регулятивы претендуют на то, что быть введенными в самую ткань общественных отношений и научно-технической области, стойко противостоять соблазнам мощных финансовых потоков, при которых разрушается сама исследовательская структура и механизм социального контроля. На ряд биоинженерных исследований, которые раньше назывались генной инженерией, объявлен мораторий, однако он не выдержан. Методики проведения таких исследований довольно просты, прибегнуть к ним может едва не всякий – это не атомная физика, где для экспериментов требуются значительные энергетические мощности, громоздкие и объемные приборы, большие помещения.

Следует отметить, что в любом научном сообществе существует такой регулятив как *репутация*. Однако в целом репутация как регулятив биомедицинских исследований дает сбои, о чем свидетельствуют множественные попытки фальсификации данных. Получение денег как награды за конкретный результат – распространенная практика. К особенно тяжелым результатам фальсификация данных приводит, например, в фармацевтическом производстве. В США проблему контроля пытаются решить с помощью создания научных профессиональных обществ, которые лоббируют интересы науки. Просматриваются два пути решения сложившейся ситуации: а) открытый доступ к материалам, опубликованным в научных журналах; б) подключение к задаче обеспечения контроля над биомедицинскими исследованиями потенциала бюрократических мер. В ответ на угрозу отсутствия социального контроля возникла и уже проявляется тенденция *институционализации этики*, иерархически организованной этической экспертизы. Она способствует обеспечению существования табуированных зон для исследования, применения и распространения, хотя многочисленные данные свидетельствуют об обратном: современная область недопустимого заметно сократилась. Ясно одно, правовые нормы оказываются еще одним необходимым основанием, регламентирующим этос науки.

Таким образом, глобализация различного рода рисков, доминирующих во всех сферах общества, требует введения в рискологию, и в целом в науку, общечеловеческих моральных и гуманистических императивов. Современная наука, решая когнитивные, внутренние проблемы, не может не учитывать места и роли человека в этом мире, его целей и ценностей, способов познания; т.е. возникает необходимость расширения философско-методологической рефлексии при обязательном включении в ее сферу человеческого компонента, задающего целостность, взаимообусловленность отдельных элементов исследуемых областей. Основным ценностным критерием такой рефлексии становится установка на осознание социально значимых пределов теоретического поиска, дополнения его культурно-этическими параметрами и гуманистическими ориентирами, своеобразного преодоления отчуждения человеческого мира, возникающего на уровне абстрактных теоретических построений.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Хесле В. Философия и экология: Пер. с нем. – М.: Наука, 1993.
3. Бэррел М.-Р. «И Бог заплакал...». Достоинство человека, прогресс, технология. // Человеческий мир. – 1991. – №6. – С. 42-50.
4. Введение в биоэтику. – М.: Прогресс-Традиция, 1998.

5. Козлова О.Н. Научная жизнь и социокультурное воспроизводство // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С. 113-125.

6. Митчем К. Что такое философия техники? / Пер. с англ. под ред. В.Г. Горохова. – М.: Аспект Пресс, 1995.

RISK SOCIETY AND RESPONSIBILITY OF THE SCIENCE: EXISTENTIAL DIMENSION

E.G. KAMENSKY¹⁾
M.D. CHERKASHIN²⁾

¹⁾ Southwest State University

e-mail: kamensky80@mail.ru

*²⁾ Kursk State Social Institute,
branch of Russia State Social
University*

e-mail: cherkashino7@mail.ru

The article considers methodological problems of the risk society. It is underlined that science achievements should not contradict ideals of humanism and threaten the life of mankind. Therefore introduction of ethical components in consciousness of scientists, extensive group of science officers and scientific and technical intelligency, as well as simple inhabitants of the planet would be a considerable event which is necessary for formation of the XXI-st century outlook.

Key words: risk society, responsibility of the science, ethic of the science, bioethic.